

Глава 8

Ответив: «Где это ты видел похлёбку?», Цао Цао не столько притворялся глупцом, сколько по привычке решил сыграть в загадки, подсознательно задав встречный вопрос в надежде, что Гу Чжи скажет больше.

Будь на его месте кто-то другой — например, посетивший его днём Чэнь Гун, — он, скорее всего, ухватился бы за протянутую нить, сперва загадочно улыбнулся, а затем уверенно принялся бы анализировать ситуацию, блистая красноречием.

Однако Мэндэ забыл, что перед ним сидел не обычный советник, а своенравный Гу Чжи.

Услышав встречное: «О какой похлёбке речь, вы, должно быть, что-то путаете», Гу Чжи кивнул, расслабил напряжённую было спину и снова сел, поджав под себя ноги.

— Действительно, путаю.

Сказал он это небрежно, словно и не поднимал эту тему мгновение назад.

Цао Цао замер. Он никак не ожидал такой реакции.

Но, вспомнив прежние странные поступки собеседника, он решил, что подобный ответ вполне соответствовал его необычному характеру.

— Я лишь пошутил, — Цао Цао никогда не был из тех, кто боится потерять лицо. Он тут же сменил тон, придержал рукав, налил себе чашу вина и сказал: — Господин угадал, я действительно пришёл сюда ради «похлёбки, которая может пролиться».

Он протяжно вздохнул.

На три части правды в его словах приходилось семь частей преувеличения.

— Дун Чжо жесток и творит беззаконие, его преступлениям нет прощения. Во время союза в Суаньцао я намеревался очистить окружение государя и восстановить династию Хань, но, увы...

Увы, союзные войска с востока откровенно саботировали поход: попиروвали и разошлись.

Гу Чжи мысленно закончил за собеседника фразу, глядя на пляшущее пламя свечи.

И в истории, и в романе «Записи о великом герое Вэй» Цао Цао всегда был на передовой

борьбы с Дун Чжо.

Пока Юань Шао и другие пировали в Суаньцао, Мэндэ вёл войска на запад. Пока они разбегались, чтобы захватить себе земли, он возвращался после поражения.

Рядом был ещё Сунь Цзянь, который, как и он, придерживался принципа «настоящий мужчина рубит Дун Чжо». Но даже у Сунь Цзяня, с его небольшим войском, по крайней мере, был официальный титул правителя Чанша. По пути он пополнил запасы в Наньяне и Янжэне, да ещё и выпросил немного провизии у скряги Юань Шу. В любом случае, его положение было куда завиднее.

Нынешняя нищета Цао Цао была очевидна без слов.

— Сын Неба в беде, путь вперёд туманен, — поскольку говорить плохо о других было не в правилах Цао Цао, он выразился намёком. — Если удастся найти место для стоянки, собрать единомышленников и готовиться долгие годы, возможно, настанет день, когда мы сможем защитить государя и возродить династию Хань.

Ключевые слова: найти место для стоянки.

Сейчас ему некуда было идти, и он был вынужден временно остановиться в этой опасной столичной области Сыли.

Гу Чжи, кратко проанализировав сказанное, очень хотел ответить: «Не бойся, скоро придёт твоя удача».

Человек, который всю жизнь стремится к силе, всегда найдёт подходящую ему опору.

Судьбоносной удачей Цао Цао был округ Дунцзюнь.

Согласно историческим событиям, в 191 году на Дунцзюнь нападут разбойники из Армии Чёрной горы. Ван Гун, который будет правителем округа меньше года, не сможет защитить его и уступит свой пост, позволив Цао Цао занять это место.

А в романе «Записи о великом герое Вэй», чтобы сделать историю более увлекательной, автор добавил герою в начале пути множество трудностей.

Например, использовал прежнего владельца этого тела, чтобы поднять мятеж среди новобранцев, превратив Мэндэ в генерала без армии. За этим стояли люди Тао Цяня.

Или, например... большой пожар в уезде Вэнь, который случится совсем скоро. Из-за него Цао Цао чуть не потеряет всю свою личную стражу. За той диверсией будут стоять люди Ли Цзюэ.

И Тао Цянь, и Ли Цзюэ в романе питали к Цао Цао личную неприязнь и постоянно пытались ему навредить.

Прибытие Чэнь Гуна предвещало этот пожар, а также... скорое появление спасителя.

«Тот, кто предвидел опасность и спас Цао Цао и все его отряды»

Гу Чжи мысленно произнёс это знакомое и в то же время чужое имя.

«Сюнь Юй, Сюнь Вэньжо. Ярко блеснувший в истории, осыпанный в романе бесчисленными похвалами, с умом и внешностью, описанными самыми сочными красками — каким же был этот советник Цао Вэй на самом деле?»

Мимолётное любопытство, словно рябь на воде от лёгкого ветерка, тут же исчезло.

Видя молчание гостя, Цао Цао приказал слугам принести ещё несколько кувшинов нового вина и поставить их у стены.

— Просто пить вино скучно. Давайте сыграем в винную игру, как насчёт этого?

Гу Чжи взглянул на похлёбку перед собой, и его взгляд сказал всё без слов.

Слуга, поймав знак господина, проворно убрал миску, вытер стол и поставил... чашу с чистой водой.

— Если господин не может пить вино, пусть заменит его водой. Раз уж сегодня у нас пир, гость должен повеселиться от души.

«Какое веселье, напиться простой воды до отвала?»

Эта мысль не была произнесена вслух. Гу Чжи как раз хотел пить. Он взял глиняную чашу и сделал несколько глотков.

Понимая, что отец твёрдо решил разговорить Гу Чжи, Цао Ан тихо вздохнул и, поправив рукава, встал.

— Я не силён в хмельных напитках, позвольте мне быть распорядителем для вас троих.

Распорядитель — тот, кто ведёт винную игру.

Цао Цао медленно кивнул.

Его старший сын был умён и наблюдателен, всегда вовремя приходил на помощь и угадывал желания отца.

— Сегодня не будем играть в угадайку и не будем сочинять стихи. Нужно лишь за отведённое время решить задачу распорядителя.

Цао Цао посмотрел на Гу Чжи и Сяхоу Дуня, после чего поднял руку.

— Прошу вас, господа.

Слуга принёс глиняный чан, наполненный водой.

Гу Чжи взглянул на сосуд, диаметр которого был больше его предплечья, и подумал, что если выпить всё это, можно получить водное отравление.

Но он не стал отказываться. Может быть, от скуки, а может, желая поскорее закончить эту утомительную проверку, он молча согласился и вместе с остальными стал ждать задания.

Чаши для вина перед Цао Цао и Сяхоу Дунем убрали, заменив их такими же глиняными чашами размером с ладонь.

— Первое задание, — Цао Ан встал и взял винный черпак.

Голова зверя на конце черпака была обращена вверх, словно внимательно прислушиваясь.

— Хэней — не место для долгого пребывания. Если бы вы сегодня покинули уезд Вэнь... куда бы вы направились?

Вопрос был прямым и без обиняков, ничем не отличаясь от предыдущих расспросов.

У Сяхоу Дуня были кое-какие мысли, но он не собирался их высказывать. Как и Мэндэ, он хотел услышать ответ Гу Чжи.

«Сделали такой крюк, а вернулись к тому же вопросу. Можно только похвалить молодого господина Цао за прямоту»

Юноша опустил глаза, снова ощущая скуку. Даже если правильный ответ, соответствующий «судьбе», — это округ Дунцзюнь, он не хотел произносить эти слова как по учебнику.

— Я слышал, генерал дружен с Юань Бэньчу. Почему бы не обратиться за помощью к старому другу?

Этот ответ был далёк от того, что хотел услышать Цао Цао.

Тот почувствовал укол разочарования. Человек, который разгадал его амбиции и упомянул «пролитую похлёбку», — как он мог советовать примкнуть к Юань Шао?

Распорядитель игры, Цао Ан, угадывая мысли отца, тихо спросил:

— Господин, быть может, у вас есть какие-то опасения, и вы не хотите говорить откровенно?

Сяхоу Дунь, долгое время притворявшийся невидимкой, взял на себя роль злодея и с насмешкой обратился к Гу Чжи:

— Уж не потому ли, что в голове пусто, и боишься, что твои суждения станут посмешищем? Вот и намеренно уклоняешься от ответа.

Гу Чжи равнодушно ответил:

— Генерал Сяхоу ошибается.

Военачальник вскинул бровь.

— О?

— У меня в животе не пусто — неужели генерал забыл? Я только что съел миску мясной похлёбки.

Сяхоу Дунь:

— ...

Он отвернулся, словно один лишний взгляд на собеседника был для него оскорблением.

Цао Ан, скрывая беспокойство, взял чашу, наполнил её вином, подошёл к столику Гу Чжи и опустился на одно колено.

— Если этот вопрос затруднил господина, то это моя вина. Но... этот вопрос для меня и моего отца — вопрос жизни и смерти. Прошу господина не покуситься на драгоценные слова и дать

нам совет.

Сказав это, Цзысю поднял чашу, прижал рукав к бровям, на мгновение замер, а затем залпом выпил. Широкий тёмный рукав скрыл лицо юноши, а также мимолётное изменение во взгляде Гу Чжи.

Цао Ан допил вино, лёгким движением края одежды вытер уголки губ и собирался снова поклониться. Длинная, сильная рука остановила его.

— Молодой господин, к чему это?

Гу Чжи уже поднялся с циновки и придержал его за руки. Увидев это, Цао Цао тоже покинул своё место и подошёл к ним.

— Эти слова должен был сказать я, его отец, — с горечью произнёс он. — Между нами возникло недоразумение, и хотя мы примирились, за короткое время трудно достичь полного доверия.

Мэндэ залпом выпил чашу вина и приказал слуге принести медный кувшин размером с большой котёл.

— Распорядитель задал вопрос, господин дал ответ, а я оказался в растерянности. За это я накажу себя кувшином вина.

Он поднял голову и, взяв огромный сосуд, размером больше тигриной головы, стал жадно пить.

О небрежном ответе Гу Чжи он не упомянул ни слова, признавая лишь свою «ошибку» и наказывая лишь себя.

«Неудивительно, что столько чиновников и военачальников следовали за этим человеком. Этот правитель, как и его старший сын, кажется, превосходно умеет располагать к себе людей»

Гу Чжи отвёл взгляд и посмотрел на одиноко сидевшего Сяхоу Дуня. Словно спрашивая: «Так и будешь сидеть?»

Сяхоу Дунь:

— ...

В спектакле для четверых на сцене остались только трое, оставив Юаньжана в неловком одиночестве. По правде говоря, он никогда не любил такие сцены с двойным дном.

Но, встретившись взглядом с Гу Чжи, Сяхоу Дунь вдруг усмехнулся, схватил стоявший у стены кувшин весом в несколько цзиней с орнаментом из птичьих иероглифов и тоже залпом выпил. Несколько капель вина стекли по его подбородку, но он лишь небрежно отёрся и показал Гу Чжи пустое дно.

Гу Чжи невольно усмехнулся. Использовать сосуд для хранения вина как чашу было нарушением этикета. Но эти двое сделали это без колебаний, их движения были плавными, как текущая вода.

Если он и дальше будет уклоняться, это будет выглядеть как трусость.

— Если нужно избежать временной военной угрозы и действовать по обстоятельствам, следует взять Ханьчжун. Если же стремиться к господству и захватить инициативу, следует взять Девятиречье.

Девятиречье — общее название притоков нижнего течения Хуанхэ. Под Девятиречьем Гу Чжи подразумевал земли вдоль нижнего течения реки, области Цинчжоу и Яньчжоу.

Цао Цао приказал принести карту.

— Я и сам подумывал о землях Цинчжоу и Яньчжоу, но инспекторы этих областей враждебны ко мне, боюсь, там мне не найти и клочка земли.

«Чуть не забыл, у этого персонажа в романе враги были повсюду, в каждой области находился кто-то, кто хотел ему навредить»

Гу Чжи ещё не успел ничего сказать, как собеседник указал на другое место на шёлковой карте.

— А как насчёт этого места?

Цао Цао указывал на округ Инчуань и Жуйнань в области Юйчжоу.

Прежний инспектор Юйчжоу, Хуан Вань, в прошлом году был вызван в столицу и занял пост одного из трёх высших сановников, а теперь был утащен Дун Чжо на тонущий корабль под названием Чанъань. Нынешним же инспектором был Кун Чжоу.

Поскольку авторитет Хуан Ваня в области был очень высок, а Кун Чжоу получил назначение от Дун Чжоу, чиновники и народ Юйчжоу относились к новому главе с презрением. Даже то, что Кун Чжоу активно поддержал поход против тирана, не изменило его положения. Он пробыл инспектором Юйчжоу меньше года и загадочно исчез со страниц истории.

Цао Цао не знал о его судьбе, но, будучи уроженцем Юйчжоу, хорошо разбирался в местной обстановке.

— Кун Чжоу красноречив, но только и всего. В Юйчжоу он не может и шагу ступить, а правитель округа Инчуань недавно погиб. Область сейчас как безголовый дракон...

Правитель Инчуаня, о котором говорил Цао Цао, по имени Ли Минь, потерпел поражение в битве с Дун Чжо, был схвачен и жестоко убит. В Юйчжоу сейчас царил хаос, и это казалось «удобной возможностью».

— Не годится, — Гу Чжи поднял указательный палец и обвёл ущелье к западу от Пиндиншаня, провёл линию на запад, задержался у Лояна и утёса Дичжу в Шаньчжоу и, наконец, указал прямо на Чанъань.

Цао Цао задумчиво уставился на очерченную область.

— Если идти по этому водному пути, округ Инчуань окажется беззащитным, как открытые ворота, и станет бойней для Армии Силян.

Гу Чжи постепенно становился серьёзнее.

— К тому же, это место слишком близко к столичной области. Дун Чжо, чтобы укрепить Чанъань и избежать удара с двух сторон, непременно опустошит западные земли Инчуаня, не позволив никому там закрепиться.

Мэндэ нахмурился, миновал округ Чэньлю, где была та же проблема, и посмотрел севернее.

— ...Округ Дунцзюнь?

Словно это была судьба, или словно не было другого выбора.

— Но Дунцзюнь уже занят доверенным лицом инспектора Яньчжоу, Ван Гуном. Если только не произойдёт чего-то непредвиденного...

Непредвиденное действительно произошло.

Гу Чжи обмакнул палец в воду и начертил на столе три иероглифа.

Горы Тайхан.

— Горы Тайхан... — глаза Цао Цао блеснули. — Армия Чёрной горы?

<http://bllate.org/book/15998/1443004>